

УДК 34

Публичный порядок в международном частном праве и его значение для судебной практики государств

Жарова Ксения Сергеевна

Бакалавр,

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: 79039679998@yandex.ru

Аннотация

В данной статье автором предпринята попытка критического анализа и научного осмысления публичного порядка в международном частном праве, а также исследования его значения для судебной практики государств. Отмечено, что, несмотря на то, что концепция публичного порядка признается практически всеми правовыми системами, а также на международном уровне, она остается одним из наиболее неопределенных правовых явлений. В международном частном праве концепция публичного порядка служит критерием, который суды используют при решении вопросов о применении иностранного права, а также о признании и исполнении решений иностранных судов и арбитражей. Однако зафиксировать в законодательстве перечень норм, при нарушении которых следует прибегать к оговорке о публичном порядке, не представляется возможным, так как этот институт является скорее динамичным, чем статичным, и должен применяться с учетом всех обстоятельств дела. Автор приходит к выводу, что для недопущения неправовых решений и исключения случаев «прикрытия» оговоркой о публичном порядке необходимо проводить доктринальный анализ судебных решений с тем, чтобы постепенно вырабатывать определенные критерии и правила, которые суды могли бы использовать в своей правоприменительной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Жарова К.С. Публичный порядок в международном частном праве и его значение для судебной практики государств // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 5А. С. 196-206.

Ключевые слова

Публичный порядок, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, исполнение арбитражных решений, общественные интересы, общественная мораль, общественная безопасность.

Введение

В соответствии с ч. 5 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд в соответствии с федеральным законом или международным договором РФ при разрешении дел применяет нормы иностранного права. Аналогичное правило закрепляет ч. 5 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Следовательно, на территории России иностранное право может применяться лишь при наличии прямых предписаний об этом национального права. Национальное право закрепляет и пределы применения иностранного права, в качестве которых традиционно рассматривается публичный порядок.

Оговорка о публичном порядке (*ordre public*, или *public policy*) является общепризнанным институтом международного частного права и оказывает влияние, прежде всего, на порядок признания и исполнения решений иностранных судов и арбитражей.

Пунктом 5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ установлено, что в случае, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации либо противоречит публичному порядку Российской Федерации, допускается отказ в принудительном исполнении такого решения. Аналогичные правила закреплены в п. 2 ч. 1 ст. 417 ГПК РФ, п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ и подп. 2 п. 2 ст. 36 Федерального закона «О международном коммерческом арбитраже».

Всеобщая практика применения оговорки о публичном порядке объясняется необходимостью защиты основ национальной правовой системы, главных моральных принципов и ценностей общества и государства.

Основное содержание

Интересно, что ссылка на неприменимость того или иного иностранного закона вследствие его противоречия «морали», «добрым нравам» встречается со времен постгlossаторов (XIV век), но общая концепция «публичного порядка» впервые сложилась во французском праве [Лунц, 1970].

Известны два вида оговорки о публичном порядке – позитивная и негативная.

Позитивная оговорка означает некоторую совокупность внутренних норм права, которые в силу особой принципиальной важности для защиты общественных и моральных устоев данного государства должны применяться всегда, даже если отечественная коллизионная норма отошлет к иностранному праву [Дмитриева, 2016].

Негативная оговорка исходит из содержания иностранного права: иностранное право, которое следует применить по предписанию отечественной коллизионной нормы, не должно применяться, если оно или его отдельные нормы не совместимы с публичным порядком этого государства [там же].

Однако прослеживается важная тенденция в развитии института оговорки о публичном порядке. В настоящее время ряд государств, которые традиционно применяли негативную оговорку, стали параллельно применять и позитивную. Подобные законодательные нововведения породили в доктрине представления о существовании особых сверхимперативных норм, которые выражают позитивную оговорку о публичном порядке [там же].

Так, в России оговорка о публичном порядке закреплена в ст. 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации в виде негативной: «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не

применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом».

В ст. 1192 ГК РФ мы видим уже позитивную оговорку о публичном порядке. Статья 1192 закрепляет правило о применении сверхимперативных норм, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Следует обратить внимание, что правила о преимущественном применении сверхимперативных норм (а значит, и о публичном порядке) содержатся не только в национальном праве государств, но и в международных документах.

Так, статья 1.4 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА в редакции 2016 закрепляет: «Ничто в данных Принципах не препятствует применению обязательных правил национального, международного или наднационального происхождения, которые должны быть применены в соответствии с релевантными правилами международного частного права» [UNIDROIT Principles 2016, www].

В качестве примера также можно упомянуть статью VIII(2) (b) Бреттон-Вудской конвенции 1944 года об учреждении МВФ, устанавливающую в рамках этой организации обязанность судей применять к договорам, касающимся обмена валюты, императивные нормы валютного законодательства других государств – членов МВФ, независимо от того, какое право является применимым к этим договорам. Данная статья предусматривает, что договоры, касающиеся операций по обмену валюты, затрагивающие валюту любого государства – члена МВФ и противоречащие положениям валютного законодательства этого государства-члена, установленным в соответствии с Бреттон-Вудской конвенцией, будут признаны недействительными на территории любого государства-члена [Жильцов, 1997].

Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»), также закрепляет положения о сверхимперативных нормах, называя их «преобладающими императивными положениями (overriding mandatory provisions). Преобладающими императивными положениями являются положения, соблюдение которых признано страной в качестве имеющего принципиальное значение для охраны ее публичных интересов, таких как ее политическое, социальное или экономическое устройство, в такой степени, что они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно настоящему Регламенту.

Четкого перечня сверхимперативных норм и исчерпывающего перечня того, что входит в понятие публичного порядка, не существует, определение элементов публичного порядка остается на усмотрение судов при вынесении ими определений об отказе в признании и исполнении решения иностранного суда / арбитража.

Более того, неопределенность категории публичного порядка ныне возводится в один из принципов международного частного права [Лунц, 1970].

Установить элементы, являющиеся составной частью публичного порядка, и внести некую определенность пытается доктрина и судебная практика.

Прежде всего, необходимо обратиться к Информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 [Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 февраля 2013 г. № 156, www].

Так, в п. 1 данного Информационного письма суд указал, что под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.02.2010 по делу № А56-63115/2009 развило данное определение. Суд указал, что под публичным порядком Российской Федерации согласно ст. 1193 ГК РФ понимаются основы правопорядка Российской Федерации, которые, в свою очередь, включают в себя помимо основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавших российское гражданское общество, основополагающие принципы российского права.

Суд в Информационном письме ВАС РФ № 156 установил также некоторые правила в отношении рассмотрения российскими судами дел о признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений, а именно:

- оценка последствий исполнения иностранного судебного или арбитражного решения не должна вести к его пересмотру по существу;

- суд может отказать в признании и приведении в исполнение иностранных судебных или арбитражных решений, в том числе и по собственной инициативе (а не исключительно по заявлению стороны);

- бремя доказывания противоречия признания и приведения в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации лежит на стороне, заявляющей о таком противоречии;

- оговорка о публичном порядке должна применяться в исключительных случаях (противоречие публичному порядку РФ, исключающее применение норм иностранного права, должно иметь явный характер [Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.05.2017 № 13АП-1566/2017, 13АП-1572/2017, 13АП-1570/2017, 13АП-1646/2017, 13АП-2940/2017 по делу № А56-75891/2015/тр115, www]).

Необходимым представляется рассмотреть практику применения судами оговорки о публичном порядке и об отказе в применении таковой, приведенную в указанном Информационном письме.

Так, взыскание неустойки по неисполненному контракту, заключенному в результате коммерческого подкупа уполномоченного лица предприятия, было признано противоречащим публичному порядку в связи с тем, что РФ активно участвует в противодействии коррупции, имеет в том числе и международные обязательства в этой сфере.

Противоречие публичному порядку устанавливается не только в случае материальных, но и в случае процессуальных нарушений. Таким образом, можно выделить материальный и процедурный публичный порядок. Примером защиты процедурного публичного порядка может служить следующее. Решение было вынесено арбитром, который в силу своего должностного статуса и полномочий был способен оказывать влияние на действия одной из сторон, что впоследствии послужило причиной отказа в признании и исполнении решения на территории РФ.

Ю.Г. Морозова приводит пример из российской судебной практики, когда в качестве императивных норм были признаны строительные нормы и правила (СНиП) при возведении на территории РФ объектов недвижимости. При строительстве санатория иностранный подрядчик, ссылаясь на выбранное сторонами иностранное законодательство, проигнорировал запретительные требования российских СНиП, не допускающих проектирование и размещение котельных в подвальных помещениях лечебных и санаторных учреждений. Заказчик, переоборудовав собственными силами и за свой счет часть здания, обратился в арбитражный суд с иском к подрядчику о возмещении ему убытков за перепроектирование и перемонтаж подвала. Суд удовлетворил иск, признав правомерным довод истца о непосредственном применении положений СНиП [Морозова, 2000].

По другому делу, упомянутому в Информационном письме ВАС РФ № 156, суд установил, что договор предполагал ввоз на территорию медицинских изделий, которые не соответствовали требованиям технических регламентов РФ. Однако суд не выявил противоречия публичному порядку и указал, что в договоре не содержалось специального требования о соответствии качества изделий требованиям РФ, а значит, продавец выполнил все обязательства по договору.

Проведя анализ, можно констатировать, что судебная практика бывает неоднозначной по одному и тому же вопросу, что подтверждает необходимость уточнения и дальнейшего совершенствования рассматриваемого института международного частного права.

Для лучшего понимания аспектов применения института сверхимперативных норм следует также обратиться к судебной практике.

В одном из дел, рассмотренных Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в 2008 году [Розенберг, 2000], арбитраж указал, что сверхимперативной может быть признана лишь такая норма, которая не предоставляет сторонам право выбора варианта поведения и за нарушение которой законом предусмотрены правовые последствия. Таким образом, норма, указанная в п. 1 ст. 670 ГК РФ, не может быть признана сверхимперативной, так как она предоставляет арендатору по договору финансовой аренды (лизинга) право предъявлять требования непосредственно продавцу в том случае, когда арендатор не является стороной договора купли-продажи, а потому не имеет возможности напрямую защищать свои права и законные интересы в отношениях с продавцом.

В Информационном письме Президиума ВАС РФ № 158 [Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158, www] также рассмотрено несколько дел, связанных с применением сверхимперативных норм.

Так, по одному из дел суд признал нормы Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» сверхимперативными нормами. Суд также вывел важное правило: применение к спорным правоотношениям сверхимперативных норм российского права не подчиняет действительную часть спорного соглашения российскому праву и не исключает применения к ней избранного сторонами права.

В другом деле суд рассматривал вопрос о признании положения ч. 1 ст. 198 ГК РФ, в соответствии с которым сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон, сверхимперативной нормой. Арбитражный суд указал, что согласно статье 1208 ГК РФ исковая давность определяется по праву страны, подлежащему применению к соответствующему отношению. Из этого следует, что российское

законодательство допускает применение иностранного права к вопросам исковой давности, в связи с чем положения ст. 196 и 198 ГК РФ не могут рассматриваться как сверхимперативные нормы.

Особенно часто вопрос о публичном порядке возникает при регулировании семейных отношений, так как эта сфера наиболее подвержена влиянию культурных и моральных национальных особенностей, поэтому на данном аспекте применения позитивной оговорки о публичном порядке хочется остановиться отдельно.

Условия заключения брака на территории РФ регулируются личным законом лица (любой из 6 вариантов, установленных ст. 1195 ГК РФ), но при этом необходимо соблюдение требований, установленных в качестве препятствий для заключения брака в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации. Таким образом, ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации в данном случае выступает как пример сверхимперативных норм (позитивная оговорка о публичном порядке).

Между тем В.А. Канашевский указывает, что сверхимперативной следует считать не только ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации, но и некоторые другие статьи, с чем мы склонны согласиться.

Например, если законодательство иностранного государства предусматривает чрезвычайно низкий брачный возраст, регистрация такого брака должна быть отвергнута в России на основании противоречия российскому публичному порядку (ст. 167 СК РФ). То же касается и правила о признании полигамных и однополых браков на территории РФ. Хотя принадлежность вступающих в брак к разному полу специально российским законом в качестве условия заключения брака не определена, данное требование вытекает из определения брака как «союза женщины и мужчины» (ст. 1 СК РФ) [Канашевский, 2018].

Данный вывод подтверждается и соответствующей судебной практикой.

Конституционный суд Российской Федерации в Определении от 16.11.2006 № 496-О [Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 496-О, [www](#)] указал, что Конституция Российской Федерации и международные правовые нормы исходят из того, что одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, а федеральный законодатель в рамках предоставленной ему компетенции к условиям заключения брака отнес взаимное добровольное согласие мужчины и женщины.

Липецкий областной суд в одном из своих решений отметил, что основные начала государственной политики Российской Федерации в области семейных отношений базируются, в частности, на принципе противоположности полов лиц, вступающих в брак [Апелляционное определение Липецкого областного суда от 07.10.2013 по делу № 33-2656/2013, [www](#)].

Отсюда следует вывод, что указанные положения закона должны быть признаны сверхимперативными нормами и непосредственно применяться к трансграничным семейным отношениям.

Интересен и следующий подход, разработанный доктриной.

Однополые браки не должны признаваться в России в силу правил квалификации: согласно п. 1 ст. 1187 ГК РФ квалификация юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом. Следовательно, понятие «брак» по ст. 158 СК РФ должно быть истолковано по российскому праву. Из содержания ст. 1 и 12 СК РФ следует, что браком признается «союз мужчины и женщины». То есть такая форма социального общежития, как однополый брак, не охватывается понятием «брак» по российскому законодательству в целом и ст. 158 СК РФ в частности [Марышева, 2011].

Применительно к вопросу о признании однополых браков государства часто ссылаются на оговорку о публичном порядке. В связи с этим представляется заслуживающим внимания подход Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) к данному вопросу.

В деле «Ольяри и другие против Италии (Oliari and Others v. Italy)» [Информация о Постановлении ЕСПЧ от 21.07.2015..., 2015] заявителями стали три пары, живущие в стабильных однополых отношениях, которым не разрешалось публиковать объявления о предстоящем бракосочетании, поскольку Гражданский кодекс Италии предусматривал, что супруги должны быть противоположного пола. После того, как Конституционный суд Италии сделал вывод, что право на вступление в брак, как оно гарантировано Конституцией Италии, не распространяется на гомосексуальные союзы и предназначается только для обозначения брака в его традиционном понимании, заявители обратились в ЕСПЧ. Европейский суд по правам человека в своем постановлении указал, что не считал особенно обременительными для властей Италии обеспечить признание и защиту однополых союзов и находит, что форма гражданского союза или зарегистрированного партнерства позволит им иметь юридически признанные отношения, что будет иметь непреходящую ценность для соответствующих лиц. По делу было признано нарушение права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция)). Причем решение по такому неоднозначному, на наш взгляд, вопросу было вынесено единогласно.

В вышеупомянутом деле суд отошел от своей правовой позиции, изложенной в Постановлении от 24.06.2010 «Шальк и Копф против Австрии» [Постановление ЕСПЧ от 24.06.2010, 2015], где он установил, что вопрос о разрешении или запрещении однополых браков двух лиц разных полов регулируется национальным законодательством, а ст. 12 Конвенции не обязывает государства разрешать однополым парам вступление в брак.

Между тем подобное постановление ЕСПЧ применительно к РФ, скорее всего, не было бы исполнено в связи с противоречием последствий исполнения Конституции РФ. Полномочие Конституционного суда РФ о рассмотрении дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека закреплено в главе XIII.1. Федерального конституционного закона «О Конституционном суде РФ».

В деле «Орланди и другие против Италии (Orlandi and Others v. Italy)» [Информация о Постановлении ЕСПЧ от 14.12.2017..., 2018], которое также касалось легитимности однополых браков на территории Италии, Европейский суд указал, что ключевой вопрос, который необходимо принимать во внимание, звучит следующим образом: было ли установлено справедливое равновесие между затронутыми конкурирующими интересами?

На наш взгляд, данный вопрос следует задавать каждый раз, когда дело касается признания и исполнения иностранных решений судов и арбитражей. Необходимо взвешивать, не будут ли частные интересы нарушены в большей мере, чем это того стоит для защиты общественной безопасности, морали и порядка.

Возвращаясь к правовым позициям ЕСПЧ, хочется отметить постановление Ратценбок и Зейдль против Австрии [Информация о Постановлении ЕСПЧ от 26.10.2017..., 2018]. Здесь заявителем выступила разнополая пара, которой было отказано в заключении зарегистрированного партнерства в соответствии с Законом о зарегистрированном партнерстве и оговорке о публичном порядке, так как зарегистрированные партнерства были предусмотрены исключительно для однополых пар. Они обратились в ЕСПЧ, так как посчитали такой отказ дискриминационным и подлежащим защите на основании ст. 14 Конвенции.

Суд указал, что зарегистрированные партнерства были введены в Австрии в качестве альтернативы браку, доступной однополым парам. Заявители как разнополая пара имели доступ к браку, а их сопротивление браку было основано на их мнении о том, что зарегистрированное партнерство было более современным и простым институтом. Суд указал, что разнополая пара не испытала каких-либо трудностей в связи с правовыми различиями между такими институтами и ст. 14 Конвенции нарушена не была.

Таким образом, видится, что ЕСПЧ применил ту же концепцию, что и раньше, – оценил, было ли установлено справедливое равновесие между затронутыми конкурирующими интересами. Представляется, что данная концепция может быть воспринята и российскими судами.

Значение оговорки о публичном порядке и норм непосредственного применения (сверхимперативных норм) трудно переоценить. Они способствуют защите законных прав и интересов общества, суверенитета государства. Но иногда применение оговорки о публичном порядке приводило (и до сих пор приводит) к неправовым решениям судов и фактически имеет своим результатом незаконный отказ в защите нарушенного права.

Так, в деле «РСФСР против Чибрарио» (1923 г.) апелляционный суд отказал в иске Советскому правительству, требовавшему возврата 1,5 млн долларов, вверенных кинокомитетом РСФСР некоему Чибрарио для закупки в США кинооборудования; деньги в значительной части были растрачены, и Чибрарио посадили в тюрьму в США, но в гражданском иске Советскому правительству было отказано по мотивам «публичного порядка» (отсутствие дипломатического признания Советского государства) [Лунц, 1970].

Заключение

Таким образом, оговорка о публичном порядке является общепризнанным институтом международного частного права и оказывает влияние, прежде всего, на порядок признания и исполнения решений иностранных судов и арбитражей. Конечно, невозможно зафиксировать в законодательстве перечень норм, при нарушении которых следует прибегать к оговорке о публичном порядке, в том числе и потому, что этот институт, как представляется, является скорее динамичным, чем статичным, и должен применяться с учетом всех обстоятельств дела. Однако для недопущения неправовых решений и увеличения случаев «прикрытия» оговоркой о публичном порядке, нам видится необходимым проводить доктринальный анализ судебных решений с тем, чтобы постепенно выработать определенные критерии и правила, которые суды могли бы использовать в своей правоприменительной деятельности.

Библиография

1. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 07.10.2013 по делу № 33-2656/2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>
2. Дмитриева Г.К. (ред.) Международное частное право: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2016. 392 с.
3. Жильцов А.Н. Проблема применения императивных норм третьих стран в европейском международном частном праве // Законодательство и экономика. 1997. № 23-24. С. 37-48.
4. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 14.12.2017 по делу «Орланди и другие (Orlandi and Others) против Италии» (жалоба № 26431/12 и другие) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 6.
5. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 21.07.2015 по делу «Ольяри и другие (Oliari and Others) против Италии» (жалобы № 18766/11 и 36030/11) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2015. № 11.

6. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 26.10.2017 по делу «Ратценбок и Зейдль (Ratzenbock and Seydl) против Австрии» (жалоба № 28475/12) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 3.
7. Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 56-62.
8. Лунц Л.А. Международное частное право. М., 1970. 1007 с.
9. Марышева (ред.) Международное частное право. 3-е изд. М., 2011. 785 с.
10. Морозова Ю.Г. Оговорка о публичном порядке: причины возникновения // Законодательство. 2000. № 6. С. 9-15.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 16.11.2006 № 496-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>
12. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>
13. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц»): информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>
14. Постановление ЕСПЧ от 24.06.2010 «Дело "Шальк и Копф (Schalk and Kopf) против Австрии» (жалоба № 30141/04) // Прецеденты Европейского суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2015. № 11 (23). С. 81-105.
15. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.05.2017 № 13АП-1566/2017, 13АП-1572/2017, 13АП-1570/2017, 13АП-1646/2017, 13АП-2940/2017 по делу № А56-75891/2015/Тр115 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>
16. Розенберг М.Г. Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. 2-е изд. М., 2000. 304 с.
17. UNIDROIT Principles 2016 // International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), Rome. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016>

Public order in private international law and its value for the court practice of states

Kseniya S. Zharova

Bachelor,
Kutafin Moscow State Law University,
123001, 9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 79039679998@yandex.ru

Abstract

The article attempts to critically analyze and scientifically understand public order in private international law and explore its significance for the court practice of states. The author notes that, despite the fact that the concept of public order is recognized by almost all legal systems, as well as at the international level, it remains one of the most uncertain legal phenomena. In private international law, the concept of public policy serves as a criterion that the courts use when deciding on the application of foreign law, as well as on the recognition and enforcement of decisions of foreign courts and arbitration. However, it is not possible to establish in the legislation a list of norms in case of violation of which a clause on public order should be applied, including because this institution is more dynamic than static and should be applied taking into account all the

circumstances of the case. The author concludes that in order to prevent unlawful decisions and reduce cases of "cover-up" by public order clause, it is necessary to carry out a doctrinal analysis of court decisions in order to develop certain criteria and rules that the courts could use in their law enforcement activities.

For citation

Zharova K.S. (2019) Publichnyi poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i ego znachenie dlya sudebnoi praktiki gosudarstv [Public order in private international law and its value for the court practice of states]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (5A), pp. 196-206.

Keywords

Public order, recognition and enforcement of foreign judgments, enforcement of arbitral awards, public interest, public morality, public safety.

References

1. Apellyatsionnoe opredelenie Lipetskogo oblastnogo suda ot 07.10.2013 po delu № 33-2656/2013 [Appeal definition of the Lipetsk Regional Court of October 07, 2013 in case No. 33-2656/2013]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed 11/05/19].
2. Dmitrieva G.K. (ed.) (2016) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov* [Private international law: a textbook for bachelors]. Moscow: Prospekt Publ.
3. Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 14.12.2017 po delu "Orlandi i drugie (Orlandi and Others) protiv Italii" (zhaloba № 26431/12 i drugie) [Information about the Resolution of ECHR of December 14, 2017 in the case of Orlandi and others v. Italy (Complaint No. 26431/12 and others)] (2018). *Byulleten' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka. Rossiiskoe izdanie* [Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition], 6.
4. Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 21.07.2015 po delu "Oliari i drugie (Oliari and Others) protiv Italii" (zhaloby № 18766/11 i 36030/11) [Information about the ECHR Resolution of July 21, 2015 in the case of "Oliari and Others v. Italy" (complaints No. 18766/11 and 36030/11)] (2015). *Byulleten' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition], 11.
5. Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 26.10.2017 po delu «Rattsenbok i Zeidl' (Ratzenbock and Seydl) protiv Avstrii» (zhaloba № 28475/12) [Information on the Resolution of the European Court of Human Rights of October 26, 2017 in the case of Ratzenbock and Seydl (Austria) (Complaint No. 28475/12)] (2018). *Byulleten' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka. Rossiiskoe izdanie* [Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition], 3.
6. Kanashevskii V.A. (2018) Voprosy publichnogo poryadka i kvalifikatsii pri regulirovanii semeinykh otnoshenii, oslozhnennykh inostrannym elementom [Issues of public order and characterization in regulation of family relations Involving a foreign element]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 5, pp. 56-62.
7. Lunts L.A. (1970) *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo* [Private international law]. Moscow.
8. Marysheva (ed.) (2011) *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo* [Private international law], 3th ed. Moscow.
9. Morozova Yu.G. (2000) Ogovorka o publichnom poryadke: prichiny vozniknoveniya [The clause on public order: the causes of origin]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 6, pp. 9-15.
10. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina E. Murzina na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 1 stat'i 12 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo suda RF ot 16.11.2006 № 496-O [On refusal in admission for consideration of the complaint of citizen E. Murzin on violation of his constitutional rights by clause 1 of article 12 of the Family Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 496-O of November 16, 2006]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed 18/05/19].
11. Obzor praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami del o primenenii ogovorki o publichnom poryadke kak osnovaniya otkaza v priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh sudebnykh i arbitrazhnykh reshenii: informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 26.02.2013 № 156 [Review of the practice of consideration by arbitration courts of cases on the application of a clause on public order as the basis for refusal to recognize and enforce foreign judicial and arbitral decisions: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 156 of February 26, 2013]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed 19/05/19].

12. Obzor praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami del s uchastiem inostrannykh lits (vmeste s Obzorom sudebnoi praktiki po nekotorym voprosam, svyazannym s rassmotreniem arbitrazhnymi sudami del s uchastiem inostrannykh lits): informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 09.07.2013 № 158 [Review of the practice of consideration by arbitration courts of cases involving foreign persons (together with Review of judicial practice on certain issues related to cases involving foreigners involved by arbitration courts): Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 158 of July 09, 2013]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed 11/06/19]
13. Postanovlenie ESPCh ot 24.06.2010 «Delo "Shal'k i Kopf (Schalk and Kopf) protiv Avstrii» (zhaloba № 30141/04) [Resolution of the European Court of Human Rights of June 24, 2010 "Case Schalk and Kopf v Austria" (Complaint No. 30141/04)] (2015). *Pretsedenty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: Elektronnoe periodicheskoe izdanie* [Precedents of the European Court of Human Rights: Electronic periodical], 11 (23), pp. 81-105.
14. Postanovlenie Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 02.05.2017 № 13AP-1566/2017, 13AP-1572/2017, 13AP-1570/2017, 13AP-1646/2017, 13AP-2940/2017 po delu № A56-75891/2015/tr115 [Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of May 02, 2017 No. 13АП-1566/2017, 13АП-1572/2017, 13АП-1570/2017, 13АП-1646/2017, 13АП-2940/2017 on the case No. A56-75891/ 2015/Tr115]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed 13/06/19]
15. Rozenberg M.G. (2000) *Mezhdunarodnyi dogovor i inostrannoe pravo v praktike Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazhnogo suda* [International treaty and foreign law in the practice of the International Court of Commercial Arbitration], 2nd ed. Moscow.
16. UNIDROIT Principles 2016. *International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT)*. Rome. Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> [Accessed 15/05/19].
17. Zhil'tsov A.N. (1997) Problema primeneniya imperativnykh norm tret'ikh stran v evropeiskom mezhdunarodnom chastnom prave [The problem of the application of imperative rules of third countries in the European international private law]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 23-24, pp. 37-48.